АЛЬБОМЪ ГОГОЛЕВСКИХЪ

ТИПОВЪ

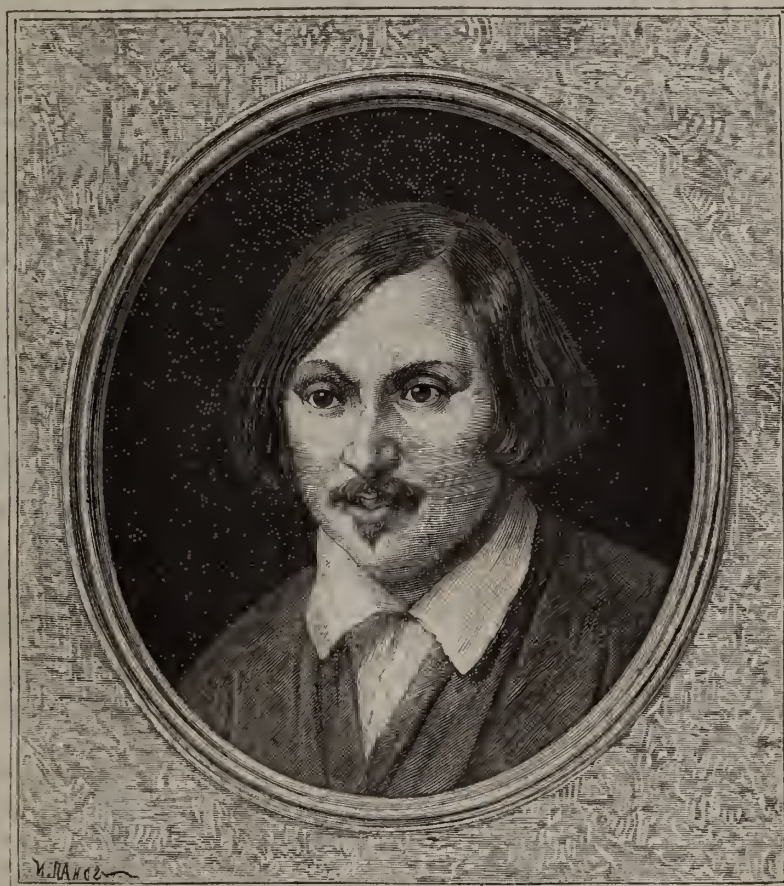
ВЪ РИСУНКАХЪ ХУДОЖНИКА

П. БОКЛЕВСКАГО

АЛЬБОМЪ ГОГОЛЕВСКИХЪ ТИПОВЪ

ВЪ РИСУНКАХЪ ХУДОЖНИКА

П. БОКЛЕВСКАГО

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. 14.
1886.

АЛЬБОМЪ

ГОГОЛЕВСКИХЪ ТИПОВЪ

ВЪ РИСУНКАХЪ ХУДОЖНИКА

П. БОКЛЕВСКАГО

Чичиковъ. — Петрушка. — Селифанъ. — Плюшкинъ. — Настасья Петровна Коробочка. — Фетинья, горничная Коробочки.—Собакевичъ.—Мижуевъ, зять Ноздрева, Ѳетюкъ.—Ноздревъ —Маниловъ.—Капитанъ Копѣйкинъ.—Петръ Петровичъ Пѣтухъ.—Бетрищевъ. — Иванъ Петровичъ, правитель канцеляріи въ три-девятомъ государствѣ.—Начальникъ.—Иванъ Антоновичъ, Кувшинное рыло.—Престарѣлый повытчикъ.—Приказчикъ Манилова.—Корявая старушонка.—Цѣловальникъ.—Учитель Чичикова.—Приказчикъ-баба.—Афанасій Васильевичъ Муразовъ.—Хлобуевъ, разорившійся помѣщикъ.—Тентетниковъ.—Афанасій Ивановичъ Товстогубъ.—Пульхерія Ивановна Товстогубиха.—Иванъ Ивановичъ Перерепенко.—Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ. Губернскій Олимпъ.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., д. № 14.
1886.

Дозволено цензурою. Спб. 12 сентября 1886 г.

Письмо къ издателю В. Я. Стоюнина.

М. Г.

Съ большимъ удовольствіемъ пересматривалъ я издаваемые Вами прекрасные рисунки г. Боклевскаго, и долженъ признаться, что художникъ выбралъ себѣ весьма трудную задачу—нарисовать физіономіи Гоголевскихъ типовъ, перевести языкъ одного искусства на языкъ другаго, отмѣтить на чертахъ лица душу тѣхъ лицъ, которыя въ твореніяхъ поэта являются въ разныхъ положеніяхъ, всегда вѣрныя самимъ себѣ. Дополнить типы геніальнаго писателя тѣми чертами, которые были не въ его средствахъ, дополнить работу пера работою карандаша, вообще такой трудъ требуетъ большихъ силъ и не можетъ назваться легкимъ... Попытки болѣе или менѣе удачныя рисовать цѣлыя сцены, описанныя Гоголемъ, дѣлались и прежде другими, но по моему, этотъ трудъ гораздо легче настоящаго труда, хотя тамъ фантазія художника и должна была работать надъ цѣлой группой: въ сценѣ положеніе каждаго уже опредѣлено подробностями, выраженіе его лица отмѣчено извѣстнымъ движеніемъ души въ данный моментъ; тутъ фантазія живописца болѣе подчиняется фантазіи поэта и творитъ по его указаніямъ. Г. Боклевскій задался другой задачей: снять, такъ сказать, портреты лицъ, которыя нашъ юмористъ представлялъ изъ жизни, но портреты такіе, въ которыхъ бы выражалось главное содержаніе всей духовной или психической ихъ жизни; онъ захотѣлъ соединить, а не подчинить, работу своей фантазіи съ фантазіей писателя. Здѣсь недостаточно было только изучать самые типы, созданные Гоголемъ, но нужно было ловить ихъ въ дѣйствительной жизни, потому что и поэтъ оттуда выбиралъ ихъ, нужно было изучать физіономіи живыхъ лицъ въ той средѣ, которую изображалъ писатель, отыскивать въ нихъ тѣ черты, въ которыхъ отражалась многолѣтняя работа въ ихъ душахъ. Эти физіономіи не повторяются съ каждымъ поколѣніемъ, хотя ихъ облики и могутъ быть родовыми или наслѣдственными. Сынъ, по внѣшнему типу лица и складу всей фигуры, можетъ быть похожъ на отца и дѣда, но у каждаго изъ нихъ была своя физіономія, которая выражала то, что переживалось каждымъ въ свое время. Не знаю, достаточно ли ясно я высказываюсь, но мнѣ кажется, въ настоящее время встрѣчаются уже не такъ часто тѣ физіономіи, которыя припоминаются изъ сферы крѣпостнической или изъ среды стараго забитаго мелкаго чиновничества. Если заслуга со стороны писателя—представить живые типы своего времени, то такая же заслуга и со стороны художника нарисовать типическія физіономіи того же времени и представить передъ глазами тѣ лица,

о которыхъ мы знаемъ по разсказамъ писателя, но которыхъ не видѣли въ-очію. Такія портреты могутъ способствовать психологическому изученію человѣка, и слѣдовательно, имѣть воспитательное значеніе.

Вотъ мой взглядъ на задачу г. Боклевскаго. Безъ всякаго желанія льстить художнику, я скажу, что во многихъ рисункахъ онъ очень близко подошелъ къ ней. Его Плюшкинъ, Коробочка, Фетинья, Петрушка, Ноздревъ, Мижуевъ, Собакевичъ, Бетрищевъ, Маниловъ, Учитель Чичикова, Повытчикъ, Пѣтухъ, Кувшинное рыло, Приказчикъ-баба, и др. типичны не только въ общемъ смыслѣ, но и какъ русскія физіономіи времени «Мертвыхъ душъ». Кажется, все это люди знакомые, съ которыми когда-то встрѣчался. Въ нихъ хочется вглядываться, чтобы угадать, что творилось въ ихъ душахъ, когда на ихъ лицахъ вырѣзывались тѣ или другія черты. Они необходимое дополненіе къ разсказамъ Гоголя. Эти похвалы я говорю по совѣсти и горячо желалъ бы видѣть продолженіе предпринятаго Вами изданія.

Царское Село.
15 Октября 1880 г.

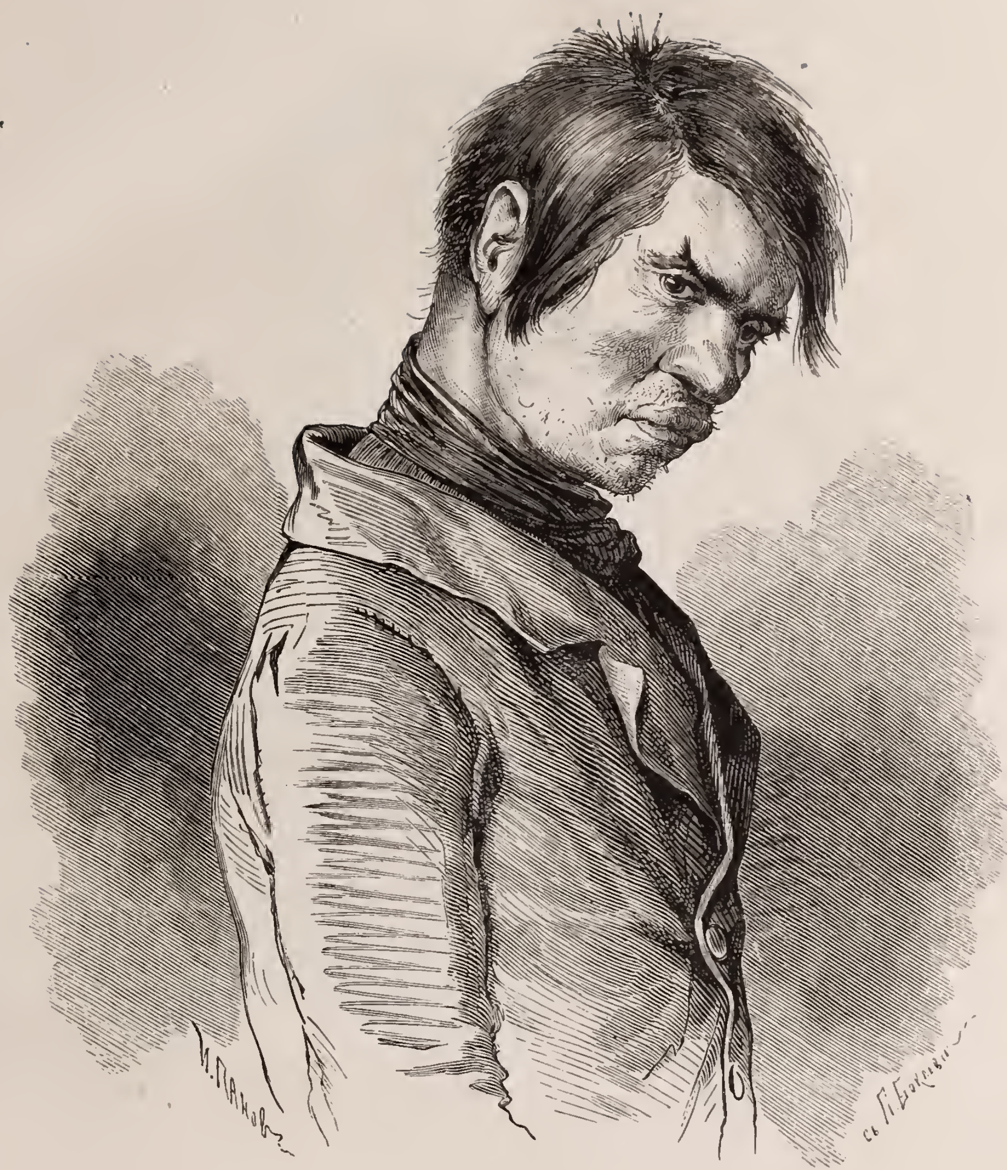
Влад. Стоюнинъ.

Чичиковъ.

Онъ былъ не красавецъ, но и не дурной наружности, ни слишкомъ толстъ, ни слишкомъ тонокъ; нельзя сказать, чтобы старъ, однакожъ и не такъ, чтобы слишкомъ молодъ... Раскланивался онъ нѣсколько на-бокъ, но не безъ пріятности... Въ пріемахъ своихъ имѣлъ что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко,—при чемъ носъ его звучалъ, какъ труба... Лицо свое любилъ онъ искренно, въ которомъ, какъ кажется, привлекательнѣе всего находилъ подбородокъ, ибо весьма часто хвалился имъ передъ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей. „Вотъ посмотри,—говорилъ онъ обыкновенно—какой у меня подбородокъ; совсѣмъ круглый!“ Говорилъ онъ ни громко, ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ; если спорилъ, то какъ-то чрезвычайно искусно,—такъ, что всѣ видѣли, что онъ спорилъ, а между тѣмъ, пріятно спорилъ. Никогда онъ не говорилъ: „вы пошли“, но „вы изволили пойти“, „я имѣлъ честь покрыть вашу двойку“ и т. п.; умѣлъ все это облекать какою-то степенностью, былъ самый благопристойный человѣкъ, какой существовалъ на свѣтѣ... Онъ не любилъ допускать съ собою фамиліарнаго обращенія ни въ какомъ случаѣ, развѣ только особа была слишкомъ высокаго званія. Словомъ, куда ни повороти, былъ очень порядочный человѣкъ, умѣлъ хорошо держать себя. Т. I, стр. 3, 6. 7, 12, 13, 14, 79, 138 и 243.

Петрушка.

Малый, лѣтъ триццати, въ просторномъ, подержаномъ сюртукѣ, какъ видно, съ барскаго плеча, имѣлъ, по обычаю людей своего званія, крупный носъ и губы. Характера былъ больше молчаливаго и имѣлъ благородное побужденіе къ просвѣщенію, т. е. чтенію книгъ, но при этомъ ему нравилось не то, о чемъ онъ читалъ, а процессъ самаго чтенія, что вотъ-де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое, иной разъ, чортъ знаетъ, что значитъ. Кромѣ страсти къ чтенію, онъ имѣлъ еще два обыкновенія: спать не раздѣваясь, такъ, какъ есть, въ томъ же самомъ сюртукѣ, и носить съ собою какой-то особенный воздухъ, отзывавшійся жилымъ покоемъ. При случаѣ— не дуракъ былъ выпить. Т. I, стр 4, 17 и др.

Селифанъ.

Низенькiй человѣкъ въ тулупчикѣ... охотникъ читать самому себѣ наставленiя, обращенныя къ лошадямъ, и любитель женскаго пола... Породистыя дѣвки заставляли его по нѣсколькимъ часамъ стоять вороной. Т. I, стр. 4, 39 и II, 235 и др.

Плюшкинъ.

Если-бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ-бы ему мѣдный грошъ: ибо къ чести нашего героя нужно сказать, что сердце у него было сострадательное. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, передъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика было тысяча слишкомъ душъ...

И было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ, былъ женатъ и семьянинъ, къ нему заѣзжалъ сосѣдъ пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Т. I, стр. 118, 119, 122 и др.

Настасья Петровна Коробочка.

Фетинья, горничная Коробочки.

Собакевичъ.

Когда Чичиковъ взглянулъ искоса на Собакевича, онъ ему показался весьма похожимъ на средней величины медвѣдя... Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура не долго мудрила, — не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ... но просто рубила со всего плеча; хватила топоромъ разъ— вышелъ носъ, хватила другой разъ—вышли губы... и, не обскобливши, пустила на свѣтъ, сказавши „живетъ!...“ Шеей онъ не ворочалъ вовсе, и, въ силу такого неповорота, рѣдко глядѣлъ на того, съ кѣмъ говорилъ, но всегда или на уголъ печки или на дверь. О людяхъ, ни о комъ не любилъ хорошо отзываться: о предсѣдателѣ—что „онъ, только что массонъ, а такой дуракъ, какого свѣтъ не производилъ“, о полицiймейстерѣ—что „это мошенникъ“; о губернаторѣ—что—„первый разбойникъ въ мiрѣ“. „Онъ, да еще вице-губернаторъ это Гога и Магога!“... ...Я ихъ всѣхъ знаю, это все мошенники, весь городъ тамъ такой, мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ христопродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ—прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду „свинья“. Т. I, стр. 98 и др.

Мижуевъ, зять Ноздрева. Ѳетюкъ.

Это былъ мужчина высокаго роста, лицомъ худощавый, или что называютъ издержанный, съ рыжими усами... Одинъ изъ тѣхъ людей, въ характерѣ которыхъ на первый взглядъ есть какое-то упорство. Еще не успѣешь открыть рта, какъ они готовы спорить и, кажется, никогда не согласятся... въ особенности не согласятся плясать по чужой дудкѣ, а кончится всегда тѣмъ, что въ характерѣ ихъ окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что отвергали, глупое назовутъ умнымъ, и пойдутъ потомъ подплясывать, какъ нельзя лучше подъ чужую дудку. Т. I, стр. 66, 68.

Ноздревъ.

Это былъ средняго роста, очень недурно сложенный молодецъ; съ полными румяными щеками и черными какъ смоль бакенбардами. „Ба, ба, ба!“ вскричалъ онъ вдругъ, при видѣ Чичикова: „Какими судьбами?.. куда ѣздилъ?..“ Лицо Ноздрева, вѣрно, уже сколько-нибудь знакомо читателю: такихъ людей называютъ разбитными малыми, въ ихъ лицахъ всегда видно что-то прямое, открытое, удалое... Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народъ видный. Ноздревъ въ тридцать пять лѣтъ былъ таковъ-же совершенно, какимъ былъ въ осьмнадцать и двадцать... Чуткій носъ его за нѣсколько десятковъ верстъ слышалъ, гдѣ была ярмарка... Онъ уже въ одно мгновенье ока былъ тамъ, спорилъ и заводилъ сумятицу за зеленымъ столомъ, ибо имѣлъ страстишку къ картишкамъ. Въ картишки игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно, и потому игра весьма часто оканчивалась другой игрою; или поколачивали его сапогами, или-же задавали передержку его густымъ бакенбардамъ, такъ что возвращался домой онъ съ одной, и то довольно жидкой бакенбардой. Т. I, стр. 64, 69, 70 и др.

Маниловъ.

Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой былъ характеръ Манилова. На взглядъ онъ былъ человѣкъ видный; черты лица его были не лишены пріятности, но въ эту пріятность, казалось, черезъ-чуръ было передано сахару... Онъ былъ бѣлокуръ, и всегда щурилъ свои голубые глаза, когда улыбался. Въ первую минуту разговора съ нимъ не можешь не сказать: „какой пріятный и добрый человѣкъ!“ Въ слѣдующую затѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь: „Чортъ знаетъ, что такое!“ и отойдешь прочь; если-же отойдешь, почувствуешь скуку смертельную. Т. I, стр. 20, 31 и др.

Капитанъ Копѣйкинъ.

Пролетная голова, привередливъ какъ чортъ, побывалъ и на гауптвахтахъ, и подъ арестомъ, всего отвѣдалъ... Проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ кровь, относительно сказать жизнію жертвовалъ. Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ. Т. VI, стр. 204—205.

Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

„Отчего вы всегда такъ веселы Петръ Петровичъ?—Да отчего-же скучать? помилуйте, отвѣчалъ хозяинъ.—„Какъ отчего? оттого, что скучно.“—Мало ѣдите, вотъ и все. Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку. Прежде никто не скучалъ. „Будто ужъ вы никогда не скучали?“—Никогда! Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скуки. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать!

За обѣдомъ добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ — подкладывалъ ему тутъ-же другой... —У кого два — подкладывалъ ему третій... „Не могу, сказалъ Чичиковъ, не взойдетъ, нѣтъ мѣста“.—Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Взошелъ городничій — нашлось. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ-же городничій.—Попробовалъ Чичиковъ — дѣйствительно кусокъ былъ въ родѣ городничаго. Нашлось ему мѣсто... Разумѣется, если такъ пообѣдаешь, какъ тутъ придти скукѣ. Тутъ сонъ придетъ, не правда-ли?“ Полн. собр. соч. Гоголя. Т. II, стр. 456, 457, 458.

Бетрищевъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ картинныхъ генераловъ, которыми такъ богатъ былъ знаменитый 12-й годъ. Генералъ Бетрищевъ заключалъ въ себѣ кучу достоинствъ и кучу недостатковъ. То и другое, какъ водится въ русскомъ человѣкѣ, было набросано у него въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ. Въ рѣшительныя минуты: великодушіе, храбрость, умъ, безпримѣрная щедрость во всемъ и въ примѣсь къ этому капризы честолюбія и та мелкая личная щекотливость, безъ которой не обходится ни одинъ русскій, когда онъ сидитъ безъ дѣла и не требуется отъ него рѣшительности. Т. II. стр. 307.

4

Иванъ Петровичъ

ПРАВИТЕЛЬ КАНЦЕЛЯРІИ ВЪ ТРИДЕВЯТОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Прошу посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ подчиненныхъ; гордость и благородство, и ужь-чего не выражаетъ его лицо! просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, рѣшительно Прометей! Высматриваетъ орломъ, высматриваетъ плавно, мѣрно. Тотъ-же самый орелъ, какъ только приблизится къ кабинету своего начальника, куропаткой такой спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой, что мочи нѣтъ. „Да это не Иванъ Петровичъ, говоришь, глядя на него“. Тотъ выше ростомъ, а этотъ низенькій и худенькій,—пищитъ птицей и все смѣется. Подходишь, ближе глядишь—точно Иванъ Петровичъ! „Эхе, хе!“ думаешь себѣ. Полн. собр. соч. Гоголя. Т. III, стр. 49.

Начальникъ.

Наконецъ, сударь мой, выходитъ начальникъ. Ну... можете представить себѣ — начальникъ! въ лицѣ такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете, съ чиномъ, также и выраженіе, понимаете. Во всемъ столичный поведенцъ. Т. III, стр. 217.

Иванъ Антоновичъ, Кувшинное рыло.

Иванъ Антоновичъ, казалось, имѣлъ уже далеко за сорокъ лѣтъ; волосъ на немъ былъ черный, густой; вся середина лица выступала впередъ и пошла къ носу; словомъ, это было то лицо, которое называютъ въ общежитіи „кувшиннымъ рыломъ“. Полн. собр. соч. Гоголя. Т. III, стр. 151.

Престарѣлый повытчикъ.

Это былъ образъ какой-то каменной безчувственности и непотрясаемости,—никогда въ жизни не явившій на лицѣ своемъ усмѣшки, не привѣтствовавшій ни разу никого даже запросомъ о здоровьи. Ничего не было въ немъ ровно, — ни злодѣйскаго, ни добраго: въ суровой соразмѣрности между собою были черты его лица. Однѣ только частыя рябины и ухабины, истыкавшія ихъ, причисляли его къ числу тѣхъ лицъ, на которыхъ, по народному выраженію, чортъ приходилъ по ночамъ молотить горохъ. Казалось, не было силъ человѣческихъ подбиться къ такому человѣку и привлечь его расположеніе,—но Чичиковъ попробовалъ: и въ канцеляріи не успѣли оглянуться, какъ устроилось дѣло такъ, что Чичиковъ переѣхалъ къ повытчику въ домъ, сдѣлался нужнымъ и необходимымъ человѣкомъ. — Полн. собр. соч. Гоголя. Т. III, стр. 247.

Приказчикъ Манилова.

Приказчикъ былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, брившій бороду, ходившій въ сюртукѣ и, повидимому, проводившій очень покойную жизнь, потому что лицо его глядѣло какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвѣтъ кожи и маленькіе глаза показывали, что онъ зналъ слишкомъ хорошо, что такое пуховики и перины. Проснувшись въ девятомъ часу утра, поджидалъ самоваръ и пилъ чай. Полн. собр. соч. Гоголя. Т. III, стр. 31 и 32.

Корявая старушонка.

Дряблая старушонка, похожая на сушеную грушу, прошмыгнула промежъ ногъ другихъ, подступила къ Тентетникову, всплеснула руками и взвизгнула: „Соколичекъ ты нашъ! да какой-же ты жиденькій! изморила тебя окаянная Нѣмчура!“ „Пошла ты, баба!“ закричали ей тутъ-же бороды заступомъ, лопатой и клиномъ. „Ишь куда полѣзла, корявая!“ Полн. собр. соч. Гоголя. Т. IV, стр. 433.

Цѣловальникъ.

Въ концѣ деревни лысый Пименъ, дядя всѣхъ крестьянъ, держалъ кабакъ, которому имя было „Акулька“. Полн. собр. соч. Гоголя. Т. III, стр. 302.

Учитель Чичикова.

Большой любитель тишины и хорошаго поведенія, и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться.— Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему пошевелиться, или какъ-нибудь ненарокомъ мигнуть бровью, чтобы подпасть вдругъ подъ гнѣвъ. „Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность!“ говорилъ онъ. И бѣдный мальчикъ, самъ не зная за что, натиралъ себѣ колѣна и голодалъ по суткимъ. Полн. собр. соч. Гоголя. Т. III, стр. 244.

Приказчикъ-баба

Тентетниковъ увидѣлъ на мѣстѣ, что приказчикъ былъ точно баба и дуракъ со всѣми качествами дряннаго приказчика, то есть, велъ аккуратно счетъ куръ и яицъ, пряжи и полотна, приносимыхъ бабами, но не зналъ ни бельмеса въ уборкѣ хлѣба и посѣвахъ, и въ прибавленіе ко всему—подозрѣвалъ всѣхъ мужиковъ въ покушеніи на жизнь свою. Полн. собр. соч. Гоголя. Т. IV, стр. 433.

Афанасій Васильевичъ Муразовъ.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ БОГАЧЪ.

— Противозаконная однакожъ, вещь, сказалъ Вышнепокромовъ:— капиталы не должны быть въ однѣхъ рукахъ. Это теперь предметъ трактатовъ во всей Европѣ. Имѣешь деньги,—ну сообщай другимъ: угощай, давай балы, производи благодѣтельную роскошь, которая даетъ хлѣбъ мастерамъ, ремесленникамъ.

— Это я не могу понять, сказалъ Чичиковъ.—Десять милліоновъ, и живетъ какъ простой мужикъ! Вѣдь съ десятью милліонами чортъ знаетъ, что можно сдѣлать! Вѣдь это можно такъ завести, что и общества другаго у тебя не будетъ, какъ генералы и князья. Полн. собр. соч. Гоголя. Т. III. стр. 383.

Хлобуевъ,

РАЗОРИВШІЙСЯ ПОМѢЩИКЪ.

Тентетниковъ.

Безпристрастно сказать—онъ не былъ дурной человѣкъ, онъ просто былъ коптитель неба. Такъ какъ уже немало есть на бѣломъ свѣтѣ людей, которые коптятъ небо, то почему-жъ и Тентетникову не коптить его? Поутру просыпался онъ очень поздно, и приподнявшись, долго сидѣлъ на своей кровати, протирая глаза. Два часа просиживалъ онъ за чаемъ. За два часа до обѣда уходилъ онъ къ себѣ въ кабинетъ за тѣмъ, чтобы заняться серьезно сочиненіемъ, долженствовавшимъ обнять всю Россію со всѣхъ точекъ—съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительныя задачи и вопросы, заданные ей временемъ, и опредѣлить ясно ея великую будущность. Впрочемъ, колоссальное предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываніемъ. И такъ проводилъ время молодой тридцати-трехъ-лѣтній человѣкъ, сиднемъ-сиднемъ въ халатѣ и безъ галстуха. Полн. собр. соч. Гоголя. Т. III, стр. 274 и 275.

Афанасій Ивановичъ Товстогубъ.

Афанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ и всегда почти улыбался, сидя на своемъ стулѣ, который продавилъ уже лѣтъ двадцать тому назадъ. Когда-то, въ молодости, Афанасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ секундъ-маіоромъ; но это очень давно, когда онъ былъ молодцомъ, носилъ шитый камзолъ; онъ даже увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли отдать за него.

Пульхерія Ивановна Товстогубиха.

Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у ней лучшаго, что вы нашли-бы улыбку уже черезъ-чуръ приторною для ея добраго лица. Она была занимательнѣе всего тогда, когда подводила гостя къ закускѣ. Вотъ это, говорила она, снимая пробку съ графина, водка, настоенная на деревѣ, вотъ это — на златотысячникѣ, а вотъ это—на персиковыя косточки; вотъ возьмите рюмку—какой пріятный запахъ!

Иванъ Ивановичъ Перерепенко.

Славная бекеша у Ивана Ивановича! Отличнѣйшая! А какія смушки! Фу ты пропасть, какія смушки!—сизыя съ морозомъ!.. Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! И какой богомольный: каждый воскресный день, надѣвши бекешу, идетъ въ церковь; вошедши въ нее, раскланивается на всѣ стороны, обыкновенно, помѣщается на клиросѣ и очень хорошо подтягиваетъ басомъ.

Иванъ Ивановичъ худощавъ и высокаго роста; онъ имѣетъ необыкновенный даръ говорить чрезвычайно пріятно. Господи, какъ онъ говоритъ! — никогда не скажетъ неприличнаго слова и тотчасъ-же обидится, если услышитъ его.

Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ.

Иванъ Никифоровичъ, напротивъ, больше молчитъ, но за то, если влѣпитъ словцо, то держись только. Онъ немного ниже Ивана Ивановича, но за то распространяется въ толщину. Цѣлый день лежитъ на крыльцѣ и если день не слишкомъ жаркій, то выставитъ спину на солнце и никуда не хочетъ идти. Чрезвычайно любитъ купаться и когда сядетъ по горло въ воду, то очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ. Какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ, очень не любятъ блохъ: оттого никакъ не пропустятъ жида съ товарами, чтобы не купить у него элексира противъ этихъ насѣкомыхъ, выбранивъ его напередъ хорошенько за то, что онъ исповѣдуетъ еврейскую вѣру.

Губернскій Олимпъ.

Верхній рядъ: 1) Губернаторъ посрединѣ: «большой добракъ и даже самъ вышивалъ по тюлю»; 2) по правую руку—вице-губернаторъ «безъ особыхъ примѣтъ»; 3) по лѣвую—прокуроръ «со своими черными бровями и подмигивавшимъ лѣвымъ глазомъ».

Средній рядъ: посрединѣ: 4) откупщикъ «конечно, изъ евреевъ»; 5) справа — «въ очкахъ губернскій архитекторъ»; 6) предсѣдатель палаты (Иванъ Григорьевичъ), весьма разсудительный человѣкъ»; слѣва отъ еврея: 7) «предсѣдатель казенной палаты и 8) «начальникъ надъ казенными фабриками»; оба особенныхъ примѣтъ не имѣютъ, кромѣ выраженія собачьей жадности въ глазахъ.

Нижній рядъ: 9) полицiймейстеръ, въ мундирѣ того времени; «отецъ и благодѣтель всего города, навѣдывавшійся къ купцамъ въ лавки, какъ въ свою собственную кладовую», справа отъ него: 10) почтмейстеръ, низенькій человѣкъ, но острякъ и философъ, читающій «Ключъ къ таинствамъ натуры» Экартсгаузена и «Юнговы нощи»; слѣва 11) инспекторъ врачебной управы, «вѣроятно, изъ духовнаго званія».

«Лица у нихъ были полныя и круглыя, а черты лица больше закругленныя и крѣпкія. Собою они были такіе-же, какъ и Чичиковъ, т. е. не такъ, чтобы слишкомъ толсты, однакожъ и не тонкіе. Они никогда не занимаютъ косвенныхъ мѣстъ, а ужъ если сядутъ гдѣ, то сядутъ надежно и крѣпко, такъ что скорѣе мѣсто затрещитъ и угнется подъ ними, а ужъ они не слетятъ. Наружнаго блеска они не любятъ за то въ шкатулкахъ благодать Божія. У каждаго глядь—и явится гдѣ-нибудь въ концѣ города домъ, купленный на имя жены, потомъ въ другомъ концѣ другой домъ, потомъ близь города деревенька, потомъ и село со всѣми угодьями. Наконецъ, послуживши Богу и государю, заслуживши всеобщее уваженіе, почтенный чиновникъ оставляетъ службу, перебирается и дѣлается помѣщикомъ, славнымъ русскимъ бариномъ, хлѣбосоломъ, и живетъ, и хорошо живетъ. Полн. собр. соч. Гоголя. Т. III, стр. 12.

